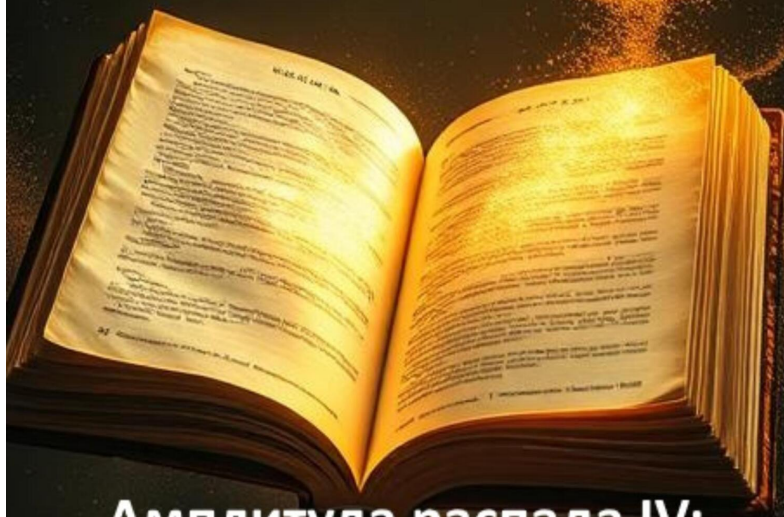

Владимир Кожевников

Амплитуда распада IV: Книга Забвения

Владимир Викторович Кожевников

Амплитуда распада

IV: Книга Забвения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72250333

SelfPub; 2025

Аннотация

В мире совершенного резонанса, где мысль передаётся без слов, а имена давно стёрты, рождается аномалия. Безымянный – существо, чьё молчание звучит громче любого хора. Изгнанный в Зону Забвения, он обнаруживает, что стены этого места помнят то, что должно было исчезнуть навсегда.

Его одинокие попытки говорить превращаются в нечто большее – письма, оживающие на стенах, книга из света и тени, способная переписать реальность. Но Сеть Слушающих не потерпит дисгармонии. Когда последний хранитель памяти сталкивается с системой, построенной на забвении, их противостояние становится симфонией из тишины и крика.

Это история о том, как одинокий голос может расколоть мир, где все должны звучать в унисон. О цене воспоминаний в цивилизации, которая предпочла забыть. О том, что иногда самое опасное – не нарушить правила, а создать новые.

"Когда исчезают последние слова, начинается настоящая битва за смыслы. И первое оружие в этой войне – простое умение сказать – Я есть."

Содержание

Пролог Когда тишина отвернулась	6
Глава 1 Безымянный	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Кожевников

Амплитуда распада

IV: Книга Забвения

Фантастическая притча о тех, кто однажды перестал уми-
рать – и забыл, зачем жил

Пролог Когда тишина отвернулась

Воздух в мире зрелого резонанса был не пустотой, а насыщенным отсутствием. Он не давил, но обволакивал, как теплая, безвоздушная жидкость, где каждая молекула знала свое место в безупречном хоре статики. Свет здесь не падал, а оседал тончайшей пылью, не отбрасывая теней, лишь подчеркивая гляцевую, почти пугающую гладь поверхностей. Они казались не материей, а застывшей вибрацией всеобщего согласия, отполированной до зеркального блеска тысячелетиями немого резонанса. Запах? Его не было. Было лишь чистое ощущение стерильности, как в помещении, где десятилетиями хранят не вещи, а саму идею пустоты. Звук... Нет, не звуки. Отголоски резонанса: едва уловимое гудение пространства на пределе слышимости, синхронный такт бесчисленных ритмов, слившихся в один совершенный, немой аккорд. Это и был мир зрелого резонанса. Или – просто Тишина. Тишина, которая была не отсутствием, а высшей формой присутствия, где всё было сказано до того, как могло родиться слово.

Когда исчезли слова, не было ни катастрофы, ни ликования. Было глубокое, всеобъемлющее облегчение. Как будто с коллективного сознания сняли вериги непонимания, трения, мучительной необходимости объяснять необъяснимое, называть неназываемое. Стало ясно: больше не нужно объ-

яснять. Знание передавалось мгновенно, через тона. Узоры. Колебания согласия. Через чистый резонанс сути, минуя шумный базар языка. Рождение больше не было актом наречения. Никто не рождался «с именем». Имен не существовало. Каждый был уникальным паттерном в великой симфонии, слышимым сразу и полностью.

Каждый был слышим,

но никто не говорил первым. Инициатива была анахронизмом, грубым нарушением безупречного баланса. Коммуникация была одновременным узнаванием и откликом, танцем предустановленной гармонии.

Но однажды —

в Секторе Забвения,

там, где еще хранились фрагменты несовпадений, реликты эпохи шума,

произошло событие, которое не было событием.

Потому что никто его не заметил.

Оно случилось не в пространстве, а в самой ткани возможного. Там, где паттерны реальности были чуть тоньше, чуть старше, пронизаны трещинами забытых смыслов. Воздух сгустился, не нарушая тишины, но изменив ее плотность — как если бы огромное, невидимое зеркало на мгновение

покрылось инеем. Свет, обычно равномерный, дал слабую рябь, словно отброшенный от неровной поверхности. И посреди этого немого колебания, без вспышки, без звука, без резонансного приветствия мира,

Родился он.

Не носитель. Не эманация.

А сгусток замкнутого в себе ритма.

Пульсация, отгороженная от всеобщего хора глухой стеной непонимания.

Он не излучал отклика. Не вибрировал в ответ на вибрации среды. Не вливался в волны коллективного бытия. Он существовал как инородное тело в идеальном кристалле. Он просто был. И не делился собой. Его молчание было не резонансом, а глухотой. Глухотой активной, непроницаемой.

Когда Слушающие подошли, ведомые не тревогой (тревога была невозможна), а микросдвигом в привычном узоре реальности Сектора, они не услышали его. Они почувствовали шум.

Это был не грохот, не скрежет. Не агрессивный вызов. Не был он и искажением, которое можно сгладить, настроить. Это был шум фундаментальный. Шум существования вопреки. Шум необратимого различия. Он висел в воздухе

тихим, но нестираемым фоном, как царапина на идеально отшлифованном стекле. Он не нарушал Тишину; он подчеркивал ее, делая вдруг зримой, тяжелой, почти невыносимой в своей искусственности.

«Его нельзя синхронизировать.»

Решение Слушающих не звучало словами. Оно не требовало обсуждения. Оно возникло как немедленный, коллективный импульс коррекции. Оно разошлось в ткань коллективной реальности не волной, а мгновенной перестройкой паттерна. Как новый рельеф на гладкой поверхности, как невидимая инструкция, вписанная в саму структуру бытия. Узоры на стенах Сектора на мгновение сместились, уплотнились, отражая новый закон:

Отправить в Зону.

Пусть он растворится, как все несостоявшиеся, невписывающиеся, нерезонирующие.

Или – оставит в себе смысл, который сможет выдержать давление чистого Ничто.

Если таков в нём есть.

Его имя не было произнесено. Даже мысленно. Имена были прахом забытых эпох. Но в мире, где нет слов, где значение передается чистым соответствием, его молчаливое, непроницаемое бытие само по себе было нарушением. Нару-

шением священного закона резонанса.

И когда он, этот сгусток изолированного ритма, впервые вдохнул (акт ненужный, архаичный, почти неприличный в мире, где дыхание было давно оптимизировано в вечный стазис), пространство вокруг него содрогнулось. Не сильно. Не как при катастрофе. А едва заметно, как дрожит поверхность воды от падения невидимой пылинки. Но этого было достаточно. Как если бы в самой глубине материи, в квантовой пене забытых возможностей, кто-то древний, дремавший веками, вдруг вспомнил... звук. Вспомнил вибрацию, отличную от монотонного гудения вечности.

И тогда – впервые за сотни циклов —

одна из спящих структур реликта, вмурованная в стену Сектора Забвения, безмолвный свидетель эпох до Тишины,

чуть-чуть изменила свой рисунок.

Не разрушилась. Не активировалась. Просто ее вековой, застывший узор дрогнул. словно по ней прошелся невидимый палец, пытаясь стереть пыль веков. И на месте этого касания проявился контур.

Как будто кто-то начал писать букву древнего, запретного алфавита – и замер на полпути, испуганный собственным дерзновением.

И в этой пустоте, в этом совершенном резонансе, возник-

ло нечто,

чего не знали тысячелетия. Не крик, не вопрос, не надежда.

Ожидание.

Тонкое, как паутина, тяжелое, как свинец. Ожидание того, что может последовать за этим немислимым вдохом, за этой дрожью реликта. Ожидание, которое само по себе было первой, крошечной трещиной в монолите Тишины.

«Пусть он не умеет слушать.

Но может – он умеет быть услышанным?»

Глава 1 Безымянный

Он не знал, что такое имя. Он не знал многих вещей. Знание в мире резонанса приходило не через обучение, а через вплетение в узор. А его узор был... дырой в ткани. Молчание тянулось за ним невидимым шлейфом – не враждебным, а глубоко недоумевающим, неуважительным в своем совершенном непонимании. Оно было тяжелее любых стен, холоднее космической пустоты. Оно ощущалось кожей: везде, куда он направлял внимание, резонанс затихал, паттерны слегка искажались, отстраняясь, как вода от масла.

Он был слепым в мире чистого света. Глухим в хоре резонансов. Его попытки контакта оборачивались немим фiasco:

Когда он смотрел на плавные формы Сектора – вещи не откликались. Их поверхности, обычно мерцающие внутренним светом согласия, гасли, становясь матовыми, непроницаемыми.

Когда он пытался коснуться стены, струящейся энергией коллективного бытия – пространство не изменяло своей плотности для него. Рука проходила сквозь иллюзорную твердость, встречая лишь вязкое, безразличное сопротивление, как будто он трогал густой туман, неспособный принять форму.

Когда он чувствовал волну коллективной радости или

спокойного созерцания – никто не чувствовал с ним. Его внутренний отклик оставался запертым в нем, эхом в пустом зале, не находящим резонирующей струны вовне.

А значит – неполноценным. Недоразумением. Живой ошибкой алгоритма реальности.

Слушающие не осуждали. Они физически не могли. Осуждение требовало несовпадения, личной позиции – понятий, стертых из бытия. Они просто регистрировали дисфункцию. Их паттерны аккуратно обтекали его, как вода камень, не пытаясь сдвинуть или разрушить, но и не смешиваясь. Но вокруг него, этого камня в потоке, возникло пространство, которое избегали. Не из страха, а из инстинктивного стремления к чистоте резонанса. Там было слишком тихо даже для мира тишины. Слишком... определенно в своей инаковости. Как бельмо на глазу вселенной.

Он не растворялся, как ожидалось от всего, что попадало в поле коллективного сознания. Он оставался. Непокколебимо. Упрямо. Как заноза в плоти реальности. Как немое вопрошание, на которое не было ответа. Как сомнение, ставшее плотью.

Решение было неизбежным, предопределенным логикой системы. Они перенесли его в Зону Забвения.

Никто не произносил приговора. Не было судей, не было обвиняемого. Просто пространство вокруг него сжалось, завертелось в немом вихре паттернов переноса. Цвета слились в серую мглу, звуки (вернее, их призрак) заглохли. И когда

вихрь рассеялся, он оказался один.

Впервые.

Первые дни в Зоне были невыносимы не болью, а отсутствием. Он ждал. Чего? Наказания? Избавления? Понимания? Он не знал. Знание приходит из опыта, а его опыт был пуст. Но животный инстинкт, глубоко запрятанный под слоями немоты, кричал: в мире, где все мгновенно и предопределено, где прошлое, настоящее и будущее слиты в одном резонансном сейчас, ожидание – это уже преступление. Преступление против порядка.

Он пытался взаимодействовать. Дотронуться до стен. Но стены Зоны были не как в Секторе. Они были как дым, как сон наяву. Рука проходила сквозь них, не встречая сопротивления, но и не ощущая пустоты. Они были забытыми намерениями, обрывками нереализованных возможностей, мерцающими и неуловимыми. Они не принимали его, не отражали, не откликались. Они просто были, с равнодушием древних камней.

Он пытался вспомнить. Закрывал глаза (бесполезный жест в мире без визуального приоритета), напрягал все свое существо, пытаясь нащупать хоть что-то до. Но у него не было прошлого. Не было якоря. Не было точки отсчета. Был только ледяной ветер настоящего, дующий сквозь него насквозь. Отчаяние, холодное и острое, как осколок льда, впивалось в грудь. Он был Никто в Нигде.

И тогда, в пике этой немой агонии, из глубин непони-

мания, из самой сердцевины отчаяния, родился порыв. Не мысль. Акт выживания души. Он сделал то, что не делал ни один из Слушающих, что не делал никто в этом мире за тысячелетия. Он дал себе имя.

Не звук. Не вибрацию для других. Внутренний акт определения. Якорь, брошенный в океан небытия. Граница, проведенная между собой и безликой пустотой. Он сжал кулаки, вобрал в себя весь холод Зоны, всю тяжесть молчания, и мысленно, всем своим существом, изгнал из себя сгусток смысла: Я ЕСТЬ. Я – НЕ ВЫ. Я – ЭТОТ.

Никто не слышал.

Даже он сам не "услышал" в привычном смысле. Он ощутил. Как сжатие в центре груди. Как внезапную точку опоры в падающем мире. Как первый, робкий контур самого себя.

Но в ту ночь пространство Зоны изменило вязкость.

Воздух, до этого разреженный и безразличный, вдруг стал плотнее, тяжелее, как перед грозой. Дрожь мерцающих стен замедлилась, стала отчетливее. И в дальнем углу, где тьма сгущалась особенно густо, одна из форм – бледный, едва различимый сгусток тени, напоминающий очертания существа, замершего в вечном шаге – пошевелилась.

Не резко. Словно вздохнула после долгого сна. Словно в ней что-то откликнулось на немой акт самонаречения.

Это была остальная тень от Леи. Не её дух. Не копия. Не эхо. А след, оставшийся в реликте пространства Зоны, ко-

гда она – наблюдательница, задававшая вопросы, – перестала быть. Отпечаток вопрошания, отвергнутого миром совершенного согласия.

Сердце (или то, что исполняло его функцию) бешено застучало в такт новому имени. Он подошёл, преодолевая внезапную плотность воздуха. Шаг за шагом. Страх смешивался с жгучим, незнакомым чувством – надеждой?

Тень не излучала резонанса. Она была тишиной внутри тишины. Но в ее бледных очертаниях, в самой ее субстанции, было спрятано нечто неуловимое: контур, в котором можно было разглядеть... вопрос. Вечный, застывший, немой вопрос.

Он остановился в шаге. Рот был сух. Голосовые связки – атавизм, никогда не использовавшийся. Что сказать? Как? Он собрал все свое мужество, весь вес своего нового, хрупкого "Я", и силы мысли и слабого выдоха вытолкнул наружу звук. Голос был хриплым, чужим, разорванным, как паутина:

– К-кто... ты?

Слова упали в мерцающую тень, как камни в черное озеро, не вызвав ни ряби, ни звука. Он замер, ожидая... ничего? Всего? Тишина сгустилась, стала почти осязаемой. И тогда пространство рядом с ним содрогнулось. Не как тогда, при его рождении, а мягче, глубже. Воздух завибрировал на особой, низкой частоте, которая странным, необъяснимым образом совпала с внутренним ритмом его собствен-

ного, только что рожденного имени. Это не было словом. Это было ощущением. Как если бы сама пустота Зоны обняла его неммым сочувствием и прошептала ответ прямо в кости, в кровь, в самую сердцевину его существа:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.